

Л. Ю. Янkelович

ГЕРДЕР О НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ ПРИБАЛТИКИ

Идеология европейского Просвещения XVIII в. отличалась ярко выраженной демократической направленностью.

Просветители XVIII в. сочувственно относились к неимущим слоям общества, стремились улучшить их положение, сделать просвещение доступным для всех. Вместе с тем большинство из них не верило в силы народных масс, в их самостоятельную роль в истории. Так, например, Лессинг возлагал свои надежды на образованные слои бюргерства¹. Иначе понимал демократизм немецкий мыслитель и писатель Иоганн Готфрид Гердер (1744—1833).

Гердер получил образование в Кенигсберге. С 1764 по 1769 гг. он жил в Риге. В своих критических работах Гердер высказал принципиально новое для своего времени положение о том, что поэзия обусловлена естественной средой, эпохой, национальным характером каждого народа. Отсюда интерес Гердера к фольклору и народной песне. На этом основывалась и его эстетика. Он верил в самобытную силу народа, в его творческие способности, которые, в частности, проявляются в народной песне. Народная песня, связывавшая воедино народную поэзию с народной музыкой, в глазах Гердера намного превосходит любое искусство «образованных людей». Народное искусство, по мнению Гердера, не только выражает мысли и чувства трудового народа, способно поднять искусство в целом на более высокую ступень, сделать его таким же свежим, естественным полным чувства, как народная песня.

Идеологи классицизма считали народное творчество грубым и недостойным внимания. В Лифляндии в адрес народной песни высказывалось лишь осуждение². Курляндский суперинтендент Пауль Эйнхорн писал, что латыши на своих свадьбах после трапезы «...поют на своем языке такие скабрёзные, развратные и легкомысленные песни, что сам черт не смог бы придумать и спеть их скабрёзнее и бесстыднее»³. Хронист Кристиан Кельх считал латышские народные песни пережитками древнего варварства⁴. Ганноверский резидент Петра I Фридрих Кристиан Вебер также весьма сожалел о том, что эстонских и латышских крестьян нельзя заставить забыть «неприятный галдеж и крики» (он считал, что это языческие песни)⁵. Гораздо снисходительнее относился к латышским народным песням другой исследователь Г. Ф. Стендер, который видел в них

¹ Г. М. Фридендер, «Лаокоон» Лессинга. Предисловие к кн.: Г. Э. Лессинг, Лаокоон, или о границах живописи и поэзии, М., 1954, стр. 12.

² J. Gutsclaff, Kurtzer Bericht und Unterricht von den falschheilig genannten Bäche in Liefland Wöhhand, Dorpt, 1644; J. W. Boecler, Der einfältigen Ehsten abergläubische Gebräuche, Weisen u. Gewohnheiten, Reval, 1684.

³ P. Einhorn, Historia Lettica, Dorpt, 1649; его же, Ueber die religiösen Vorstellungen der alten Völker in Liv und Ehtland, Drei Schriften, Riga, 1857, S. 8.

⁴ Chr. Kelch, Liefländische Historia oder Kurtze Beschreibung der denkwürdigsten Kriegs- u. Friedens — Geschichte Lief- und Lettlands, Reval, 1695, S. 28.

⁵ (F. Chr. Weber). Das veränderte Russland, T. 1, Frankfurt — Leipzig, 1744, S. 70.

начало латышской поэзии; некоторые песни он даже находил приятными⁶. Их немногословность, по его мнению, объясняется отсутствием культуры, что было обусловлено крепостным правом. Тем не менее и Стендер называл латышские народные песни «грубыми, бессмысленными». В целях их вытеснения он сочинял свои песни. Народную песню недооценивал также видный публицист Август Гупель (1737—1819). Не отрицая природной способности некоторых крестьян к песнопению, он называл девичьи песни крикливыми⁷, выражал недовольство тем, что в них осмеиваются немцы⁸.

С середины XVIII в. интерес к фольклору возрастает. Появляются публикации Бодмера и Брейтингера: «Образцы древней швабской поэзии» (1748 г.), песни «Нибелунгов», «Плач Кримгильды» (1757 г.), «Собрание песен миннезингеров» (1758—1759 гг.)⁹.

Отношение к народному творчеству в Германии, а также в Прибалтике изменилось в значительной степени под влиянием литературы и науки Англии и Франции. Мировую известность получил сборник Т. Перси «Памятники старинной английской поэзии...», где автор литературно обработал найденный им рукописный сборник песен середины XVIII в. «Когда десять с лишним лет тому назад „Reliques of ancient Poetry“ попали в мои руки,— писал Гердер в 1779 г.,— некоторые из них так меня обрадовали, что я попробовал их переводить...»¹⁰.

Поэт и литератор Джемс Макферсон — основоположник так называемого оссианизма, в 1760 г. опубликовал свой сборник старинных песен, которые он якобы записал в горной Шотландии, под заглавием «Отрывки старинных поэм, собранных в горных местностях Шотландии и переведенных с гэльского языка». Затем появились «Фингал» (1761 г.), поэмы, сложенные Оссианом, сыном Фингала, и «Темора» (1763 г.). Эти поэмы Макферсон объединил в сборник под названием «Сочинения Оссиана, сына Фингала» (1765 г.).

«Оссианом» восхищался и Гердер¹¹. Как свидетельствует жена Гердера Каролина, его знакомство с Оссианом развило в нем приверженность и любовь к естественному и трогательному языку народных песен¹². Гердер очень часто писал об Оссиане в своих трудах и письмах; он восхищался песнями первого сборника Макферсона за их правдивость, простоту и величественность, эмоциональность выражения мысли и содержание¹³.

Гердер интересовался всем, что было написано об Оссиане, сам рецензировал в 1769 г. перевод на немецкий язык «этого ценного реликта старины»¹⁴.

Позднее (в 1771 г.) Гердер так объяснял причины своего пристрастия к «песням дикарей, и в особенности к Оссиану»: «Знайте же, что я и сам имел возможность наблюдать живые остатки этих древних, диких песен, ритмов, плясок у живых народов, которых нравы наши не окончательно лишили их языка, песен и обычаев, либо заменив их чем-то весьма уродливым, либо не заменив ничем»¹⁵. Под «живыми народами» Гердер под-

⁶ G. F. Stender, Neue vollständige Lettische Grammatik nebst einem hinlänglichen Lexico, wie auch einigen Gedichten, Braunschweig, 1761, S. 152—154.

⁷ A. W. Hupel, Topographische Nachrichten von Lief- und Esthland, Bd. II, Riga, 1777, S. 133.

⁸ Там же, стр. 158.

⁹ См. В. П. Неустроев, Немецкая литература эпохи Просвещения, М., 1958, стр. 39.

¹⁰ «Herder's Volkslieder», Leipzig, 1779, S. 27.

¹¹ Авторство Макферсона стало известным только в 1829 г.

¹² M. C. v. Herder, Erinnerungen aus dem Leben Joh. Gottfried v. Herders, Tübingen, 1820, S. 64.

¹³ (J. G. Herder), Kritische Wälder oder Betrachtungen, die Wissenschaft und Kunst des Schönen betreffend, nach Maassgabe neuer Schriften, Wäld. I, Riga, 1767, S. 39.

¹⁴ «Herders Briefe an Joh. Georg Hamann», Berlin, 1889, S. 39.

¹⁵ И. Г. Гердер, Избр. соч., М.—Л., 1959, стр. 32.

разумевал латышских крестьян, чьи песни он слышал в окрестностях Риги.

Из французских писателей на Гердера наибольшее влияние оказал Ж. Ж. Руссо. Как справедливо отметил эстонский ученый Э. Лаугасте, Гердер перенес девиз Руссо «Обратно к природе» на поэзию: настоящая поэзия должна быть народной, естественной, эмоциональной¹⁶.

В 1765 г. появился немецкий перевод «Введения в историю Дании» Поля Малле. Гердер приветствовал публикацию в этом издании отрывков из скандинавской мифологии (Эдда). Он считал Эдду, с одной стороны, памятником мифологии и религии, а с другой — образцом древней поэзии¹⁷. Эта поэма, по его мнению, могла дать толчок к развитию более естественной для немцев поэзии, чем мифология римлян. «Может быть, в наше время начнется новый поэтический период, — писал Гердер, — так как Эдда, Фингал и арабская хрестоматия господина проф. Михаэлиса открывают к этому путь»¹⁸.

Уже в работе «О новейшей немецкой литературе» (1767 г.) Гердер пришел к убеждению, что поэзия рождалась «не у алтарей», а была проявлением естественного, радостного восприятия мира¹⁹. Народные поэты воспевали битвы и победы; в песнях содержались поучительные истории и нравоучения, мифологические сюжеты. Вся мифология, указывает Гердер в «Критических лесах» (1769 г.), является вместилищем поэтических идей²⁰, поэтому изучать ее следует лишь как поэзию, как искусство, как образец национального мышления, как феномен человеческого духа. Молодой Гердер подчеркивал, что мифология существует не только у древних греков, но характерна и для всех народов²¹. Одному народу — мужественным северянам — ближе песни о подвигах, другому — кельтам — о подвигах и любви; в песнях восточных народов нашли отражение их обычаи и мировоззрение, они проникнуты мудростью и духом традиций²². Библия, по Гердеру, тоже только песня, напоенная древней, красочной и возвышенной поэзией. В своих работах, написанных в Риге, Гердер впервые сформулировал идею о близости духовного творчества разных народов на одинаковой ступени развития. Эта мысль определила своеобразное построение изданного им впоследствии сборника народных песен. Современные Гердеру поэты копировали древних греков, заимствовали сюжеты из восточной поэзии. Он советовал им обратиться к творчеству народа своей страны, отражающему его историю, дух, образ жизни и окружающую природу. Древние национальные песни (*alte Nationallieder*)²³, по его мнению, позволили глубже постичь поэтическое мышление предков и обнаружить стихи, которые, подобно обеим латышским дайнам, приведенным в «Литературных письмах» Лессинга²⁴, не уступали бы превосходным балладам британцев, шансонам трубадуров, романсам испанцев и даже торжественным сагам древних скальдов.

В Риге Гердер начинает записывать некоторые народные песни. В своих произведениях он цитирует песни эскимосов, датчан, скандинавские, гренландские и шотландские песни.

Сам термин «народная песня» принадлежит Гердеру. Впервые он его употребил в статье «Извлечения из переписки об Оссиане и о песнях

¹⁶ E. Laugaste, Eesti rahvaluuleteaduse ajalugu, Tallinn, 1963, lk. 317.

¹⁷ Herder. Sämtliche Werke, Berlin, 1877, Bd. I, S. 74.

¹⁸ Там же.

¹⁹ J. G. Herder, Ueber die neuere Deutsche Litteratur. Fragmente, Bd. I, S. 310.

²⁰ (J. G. Herder), Kritische Wälder oder Betrachtungen, die Wissenschaft und Kunst des Schönen betreffend, nach Maassgabe neuer Schriften, Wäld. 4. Riga, 1767, S. 39.

²¹ J. G. Herder, Ueber die neuere Deutsche Litteratur. Fragmente, Bd. I, S. 154.

²² J. G. Herder, Fragmente zu einer «Arhæologie des Morgenlandes», 1769, SW, Bd. VI, S. 61.

²³ Термин «народная песня» Гердер в Риге еще не употребляет.

²⁴ Гердер считал тогда приведенные Лессингом в «Литературных письмах» литовские народные песни латышскими.

древних народов», написанной в 1771 г. и напечатанной в 1773 г. в сборнике «О немецком характере и искусстве» («Von deutscher Art und Kunst»), ставшем манифестом движения «Буря и натиск». «Стихи Оссиана — это песни, песни народа (Lieder des Volks), необразованного народа...» — писал Гердер в начале статьи, а несколькими страницами ниже впервые встречается термин «народная песня» (Volkslied)²⁵. В дальнейшем Гердер постоянно употреблял его в своих трудах и письмах. Впоследствии термин «народная песня» получил распространение в кругу литераторов — знакомых Гердера (Бюргер, Гете), а затем и по всей Германии и за ее пределами.

Некоторые авторы указывали на неопределенность понятия «народная песня» в произведениях Гердера²⁶. Нам представляется, что он распространил этот термин на поэзию, в которой отражен дух народа, его непосредственность, простота, эмоциональность и реальное мышление. Причем, это не только песни предков, но и песни современных Гердеру простых людей. Гердер горячо призывал своих соотечественников собирать народные песни и обращал их внимание именно на «крестьянские», «уличные» песни. Доказывая, что и в Германии существует народная поэзия, он подчеркивает: «Более чем в одной провинции мне известны народные песни, провинциальные песни, **крестьянские песни** (подчеркнуто мной.— Л. Я.), которые не уступают многим из них (шотландским.— Л. Я.) по живости и ритму, наивности и силе языка...»²⁷.

Далее Гердер утверждает, что каждый собиратель у себя в провинции мог бы составить сборник превосходных народных песен. Песни примитивных народов, скальдов, романсы и областные песни могли бы внести большие изменения в немецкую поэзию, если научиться у них чему-нибудь большему, чем только форме, внешним приемам, языку²⁸, говорил Гердер. Живя в Страсбурге, Бюккебурге и Веймаре, он одновременно занимался теоретическими исследованиями и собирал народные песни. К 1773 г. было подготовлено к печати собрание народных песен, так и не увидевшее, однако, света в связи с резкими нападками литературных противников Гердера. Среди них были известный историк Шлецер, литературный критик К. Ф. Николаи и др. В своих письмах Гердер осуждал их стремление принизить фольклор, представить его грубым порождением простонародья, отражением его низменных инстинктов²⁹.

В названной выше неизданной антологии представлена единственная латышская песня, заимствованная Гердером, очевидно, из книги Вебера³⁰.

Я. Мисинь и Т. Зейферт отрицают принадлежность этого стихотворения к числу народных песен³¹. Л. Берзинь указывает, что песня не представляет ценности, записана в искаженном виде. В изданном Гердером в 1778—1779 гг. собрании народных песен она отсутствует. Гердер включил также в свою первую антологию две литовские *дайны*, взятые из «Литературных писем» Лессинга. Лессинг тепло отзывался об этих песнях простых девушек.

В 1778 г. вышел в свет первый том «Народных песен» Гердера в 1779 г. — второй том. В этих изданиях Гердер говорит о народных песнях уже более сдержанно, чем раньше. Тем не менее, он снова подчеркивает, что «...**поэзия**, в особенности песня, вначале была совершенно на

²⁵ «Herders Werke», Bd. II, Berlin, S. 1, 20.

²⁶ P. Levy, Geschichte des Begriffes Volkslied, «Acta Germanica. Organ für deutsche Philologie», Berlin, 1911, Bd. III, S. 337.

²⁷ «Herders Werke», Bd. II, S. 33.

²⁸ «Herders Werke», Bd. II, S. 33.

²⁹ «Herders Briefe an Joh. Georg Hamann», S. 126; В. П. Неустроев, Указ. раб., стр. 411.

³⁰ (F. Chr. Weber), Указ. раб., стр. 70.

³¹ A. Wegner, Herder und das lettische Volkslied, «Friedrich Mann's Pädagogisches Magazin (Langensalza)», 1928, H. 178, S. 44; T. Zeiferts, Latviešu rakstniecības vesture, I, Riga, 1927, 62. lpp.

родной (volksartig)»³². В антологию вошли латышские, эстонские и литовские песни. В это издание включена также поэзия, близкая по своему духу к народной, например, произведения Шекспира. Именно это позволило некоторым авторам утверждать, будто сам Гердер не мог четко дифференцировать народную песню. Однако в предисловии к собранию народных песен автор указывает, что он просто стремился удовлетворить читателей, ибо он хорошо понимал, как жалко выглядит «полевой цветок, пересаженный на клумбу из белой бумаги, на которой его будет рассматривать, рвать и расчленять приличная публика, не имеющая иного понятия о песне и о чтении... никто не помышляет о простых потребностях и нуждах»³³.

Народные песни латышей, эстонцев и литовцев Гердер начал систематически собирать в 1777—1779 гг. Он обратился к известному публицисту пастору Августу Вильгельму Гупелю³⁴, высказавшему в своих «Топографических известиях» ряд интересных мыслей об эстонских песнях³⁵. Гупель заинтересовался замыслом Гердера. 17 октября 1777 г. он обратился к рижскому бухгалтеру Я. Б. Фишеру: «Теперь огромная просьба, извините меня за смелость. Благодаря широкому кругу знакомств вы имеете возможность ее быстро выполнить. Достаньте мне несколько народных песен латышей, какие вы найдете... с дословным переводом, хотя бы одну с мелодией в дисканте и одну или две с обозначением размера слога в первых строках. Только четко записанные»³⁶. В этом письме Гупель высказал предположение, что у «прилежного пробста» Баумана или у Бергмана могли быть собрания латышских песен. В конце письма говорилось: «Если некоторые пасторы считают грехом посылать подобные песни, найдите других, склонных к этому. Чем смешнее песня, тем лучше. Ведь большинство из них глуповаты»³⁷. В тот же день Гупель обратился с такой же просьбой к другу и издателю Гердера Гарткноху.

Фишер, очевидно, сразу написал Бауману, так как уже 31 октября 1777 г. последний выслал ему несколько латышских песен. «Поверьте мне, дорогой друг,— писал Бауман,— что о подобной поэзии я никогда ничего не слышал. Когда я... рассказал своим слугам что-то о полученных песнях, все они пришли в такой восторг, что я с трудом мог его умерить. То, что я прилагаю,— начало, в дальнейшем последует больше. Вы обнаружите здесь много такого, что от латышей едва ли можно было ожидать»³⁸. В ноябре Бауман несколько раз посылал Фишеру народные песни.

Переписка Гупеля с корреспондентами, доставлявшими ему народные песни, велась до марта 1778 г.

Гердер в «Народных песнях» указал, что эстонские и латышские песни он получил от издателя «Топографических известий», т. е. от Гупеля. Из рукописей Гердера следует, что Гупель послал ему не менее 79 латышских песен. Различные почерки, которыми написаны песни, а также разница в диалектах позволяют предположить, что они присланы не только Бауманом. Возможно, что некоторые из них были получены от Бергмана, Несслера и других.

Из большого числа собранных латышских народных песен Гердер выбрал лирическую песню «Весенняя песня» («Frühlingslied»)³⁹ и несколь-

³² J. G. Herder, Volkslieder, Leipzig, 1823, Bd. II, S. 3.

³³ Там же, стр. 40.

³⁴ А. В. Гупель работал с 1757 года домашним учителем в Риге. С 1759 года был пастором, в 1804 году вышел в отставку.

³⁵ А. W. Hupel, Указ. раб., т. II, стр. 133, 157—158.

³⁶ Центральный государственный исторический архив (далее ЦГИА) Латв. ССР, ф. 4038, оп. 2, д. 262, л. 80.

³⁷ Там же.

³⁸ ЦГИА Латв. ССР, ф. 4038, оп. 2, д. 196, л. 41.

³⁹ J. G. Herder, Volkslieder, Bd. II, S. 182—183.

ко фрагментов из других песен («Liebe—Sonne, wie so säumig», «Scheinst du denn nur, liebe Sonne?...», «Was fehlt eines Herren Knechte?...», «Meines Sohnes Tochter wollt ich...», «Auf stieg ich den Hügel, schaute...»). Кроме того, в предисловии к сборнику Гердер привел латышскую посылку «Мак» из работы И. Гердера «Исследования о богослужениях, науках, ремеслах, видах правления и обычаях древних латышей, из их языка». В рукописи сборника, подготовленной к печати, содержалось больше латышских песен, изъятых позднее по каким-то соображениям самим составителем или издателем.

Гердеру удалось прекрасно передать общее настроение и дух песен, хотя иногда вследствие незнания языка он несколько отступал от оригинала.

Гупель послал Гердеру также восемь эстонских песен. Впоследствии они были напечатаны в периодическом издании Эстонского ученого общества⁴⁰. Гупель свидетельствует, что и они были записаны разными людьми. «Тот, кто записал первые четыре эстонские песни,— сообщал он,— писал многие имена существительные с прописной буквы: в печати это можно упразднить, тем более, что не все они написаны так»⁴¹. Доказательством того, что песни получены из разных источников, может служить их запись на нескольких диалектах, в частности на тартусском и таллинском.

Гупель снабдил все песни дословным переводом. Он привел также две мелодии эстонских народных песен, характерных для Пыльтсамаа и Вильянди, показал некоторые общие для них черты. Однако несмотря на то, что Гупель усердно собирал песни для Гердера, сам он относился к ним пренебрежительно.

Из присланных Гупелем восьми эстонских народных песен Гердер поместил в своей антологии пять: несколько свадебных и песню, названную в этом издании «Жалобой крепостных на тиранов» («Klage über die Tugannen der Leibeigenen»). «В сокращенном виде эта песня была бы красивее,— указывал Гердер,— но ее нельзя сокращать.— Подлинный крик души в ситуации не выдуманной, а реально прочувствованной стевашским народом, должен звучать так, как он есть»⁴². Тот факт, что эта песня включена в сборник полностью, свидетельствует о сочувствии составителя выраженному в ней протесту против феодалов.

В предисловии к сборнику приведена еще одна эстонская песня («Jõggi! Jõggi! darf ich kommen?» — «Jõggi! Jõggi! jooks Ma Tullen...?»), которую Гердер выписал из хроники Кельха⁴³.

Большой интерес представляет также публикация девяти эстонских пословиц, «Их, поговорки,— подчеркивал составитель— заимствованы из самой жизни»⁴⁴.

Литовские песни Гердер получил через посредство И. Г. Гамана от И. Г. Крейцфельда (с 1776 г.— профессора Кенигсбергского университета). Имя Крейцфельда упоминается в письме Гамана Гердеру в июне 1775 года: «Здесь я нашел искусного и остроумного человека... по имени Крейцфельд, который является ревностным читателем Вашего документа...»⁴⁵. В середине июня Гердер писал: «Передайте от меня привет Крейцфельду, чьи четыре прекрасные литовские песни я читал в Прусском собрании: они обязательно должны войти в мои „Народные песни“».

⁴⁰ «Verhandlungen der gelehrten Estnischen Gesellschaft zu Dorpt», Dorpt, Bd. 16, 1896, S. 239—267.

⁴¹ Там же, стр. 260.

⁴² J. G. Herder, Volkslieder, Bd. II, S. 165, 424.

⁴³ Chr. Kelch, Указ. раб.; эта песня приведена также в статье: «Beitrag zu unbekanntem anacreontischen Gesängen noch roher Völker», «Königsbergische Gelehrten und Politischen Zeitungen», N 37, den 8. Juni 1764, S. 110.

⁴⁴ J. G. Herder, Volkslieder, Bd. II, S. 150.

⁴⁵ L. Arbusow, Herder und die Begründung der Volksliedforschung, In: «Im Geiste Herders», Kitzingen, a/M., 1953, S. 1950.

Ах, если бы у меня их было больше!»⁴⁶, а 25 августа 1775 года писал: «Передайте привет Крейцфельду и искренно поблагодарите его за три народные песни. Так как я еще не отказался от плана собирать народные песни, он меня очень радует каждым вкладом»⁴⁷. Почти через год Гердер снова упомянул Крейцфельда: «Мне жаль, что я забыл Крейцфельда из-за „Документа“: при возможности я это наверстаю»⁴⁸. На это Гаман отвечал 29 июля 1776 года: «Крейцфельд обещал мне еще несколько народных песен...»⁴⁹.

В первый том «Народных песен» вошли семь литовских песен, во второй — одна — «Песня молодого всадника» («Lied des jungen Reiters»), посвященная тяжелой судьбе новобранца.

Для Гердера все народы — «дикие» и «цивилизованные», «великие» и «малые», — равны. Именно этим объясняется тематический подбор песен в сборниках, вне зависимости от их национальной принадлежности. Рядом с фрагментами латышских песен опубликованы отрывки из греческих песен, рядом с латышской весенней песней — английская песенка, эстонская помещена по соседству с немецкой военной песней. Впоследствии И. Мюллер, — издатель собрания сочинений Гердера, расположил народные песни по языкам и назвал сборник «Голоса народов в песнях»⁵⁰.

Значение теоретических работ Гердера о народном творчестве и изданной им антологии народных песен трудно переоценить. Гердера можно считать одним из основоположников новой науки — фольклористики, поскольку он сформулировал важнейшие ее проблемы. Целая плеяда замечательных писателей воспитывалась на произведениях Гердера.

Лессинг под влиянием работ Гердера решил издать сборник древнегерманской народной поэзии⁵¹. В своем письме Лессинг просил Гердера оценить подлинное значение собираемых им песен.

Благодаря Гердеру, как справедливо подчеркнул Пауль Рейман, источником жизненной силы деятелей «Бури и натиска» стал неистощимый родник народного творчества⁵² «...Самым значительным событием, — писал Гете, вспоминая 1770 год в Страсбурге, — которое имело для меня важнейшие последствия, явилось знакомство и последовавшие за ним более тесные отношения с Гердером... И не было дня, который бы не был плодотворным и поучительным для меня. Я узнал поэзию с новой стороны, в совсем ином понимании, чем до сих пор...»⁵³.

Влияние Гердера чувствуется в лирике Гете, которая стала простой, естественной. Пропагандируя творчество Шекспира, Гердер подчеркивал народность его произведений. Этим он содействовал развитию новой драмы, первым образцом которой стал «Гетц фон Берлихинген» Гете.

Гердер оказал также влияние и на творчество Фосса и Бюргера. Старинная песенка легла в основу «Леноры» Бюргера, имевшей большой успех. По словам писателя, она более или менее соответствовала учению Гердера⁵⁴.

Первым последователем Гердера в Латвии оказался Густав Бергман. Он собрал большое количество (490) латышских народных песен⁵⁵, чтобы «они — по его выражению, — окончательно не вымерли или потеря-

⁴⁶ «Herders Briefe an Joh. Georg Hamann», S. 103.

⁴⁷ Там же, стр. 109.

⁴⁸ Там же, стр. 114.

⁴⁹ L. Arbusow, Указ. раб., стр. 165.

⁵⁰ J. G. Herder, Sämtliche Werke. Zur schönen Literatur und Kunst. Achter Teil, Tübingen, 1807.

⁵¹ «Herders Briefe an Jch. Hamann», S. 143.

⁵² П. Рейман, Основные течения в немецкой литературе, 1750—1848, М., 1959, стр. 94; Гете сообщил Гердеру, что он нашел для него 12 народных легенд в Эльзасе в августе — сентябре 1771 года.

⁵³ См.: J. G. Herder, Ein Lesebuch für unsers Zeit, Weimar, 1962, S. 377—379.

⁵⁴ E. Castle, In Goethes Geist, Verträge und Aufsätze, Wien — Leipzig, 1926, S. 63.

⁵⁵ (G. Bergmann), Erste Sammlung Lettischer Sinngedichte, Rujen, 1807; «Zweite Sammlung Lettischer Sinn—oder Stegreifs Gedichte», Rujen, 1808.

лись». «Языковеды найдут (в них) верное отражение природы,— пишет Бергман,— мудрость совершенно отличную от нашей чопорной книжной, которую мы этому народу навязали». Крупнейшим собирателем народных песен был также К. К. Ульман. Затем собирание латышских народных песен перешло в руки латышских исследователей. В итоге было составлено отличное многотомное собрание Кришьяна Барона («Latvju Dainas», 1894—1915), включавшее 218 000 песен, в том числе все когда-либо записанные или напечатанные⁵⁶.

Гердер оказал определенное влияние на развитие эстонской литературы⁵⁷. Последователями Гердера в Эстонии вначале также были немцы. Так, К. И. Шлегель (1755—1842), работавший в Эстонии с 1780 г. домашним учителем, а затем почтовым служащим и много разъезжавший, под влиянием работ Гердера начал интересоваться эстонским народным творчеством⁵⁸. В 1787 г. появилась его первая статья об эстонской народной песне, в которой помещено 13 песен. В 1788 г. вышла в свет еще одна его статья, а в 1819—1834 гг.— чрезвычайно интересные десятитомные путевые заметки (Chr. H. J. Schlegel. Reisen in mehreren russischen Gouvernements). В них Шлегель приводит 150 народных песен (главным образом на немецком языке), много пословиц, загадок и т. п.

Влияние Гердера особенно чувствуется в публикациях журнала «Beiträge zur genauern Kenntniss der estnischen Sprache», который в 1813 г. стал издавать пярнуский пастор И. Розенплентер. Здесь постоянно печатались эстонские народные песни, поговорки и загадки. В VI номере, возражая автору статьи, который отрицательно отзывался об эстонской народной песне, якобы лишенной строгости построения, красоты и благозвучия. Розенплентер цитировал в примечании высказывания Гердера о народной песне⁵⁹.

Ю. Альтман, который издал собрание эстонских поговорок, пословиц и загадок указывает в первой книге этого издания, что интерес к своеобразному духу этого мало известного в Германии народа в нем пробудил Гердер, опубликовавший в свое время несколько сентенций и пословиц эстонцев.

Собирание народных песен стало в Эстонии к концу XIX в. общенародным делом. Эстонские ученые проследили непосредственное влияние Гердера и на исследователей эстонского народного творчества в более поздний период.

Итак, широкий демократизм Гердера, а также историзм, с которым он подходил к явлениям природы и общества, позволили ему понять плодотворное значение народного поэтического творчества для развития национальных литератур. Именно критикотеоретические работы Гердера, особенно его антология «Народные песни», возбудили интерес к народному творчеству, в частности к народному творчеству так называемых «малых народов», до тех пор презираемому и непризнанному. Тем самым труды Гердера содействовали пробуждению национального сознания этих народов.

⁵⁶ См.: T. Zeiferts, Указ. раб., S. 66 lpp.

⁵⁷ W. Schlüter, Ansprache des Präsidenten Dr. W. Schlüter zur Begrüssung der Jahresfeier an 18. Januar 1904 versammelten Mitglieder und Geste (6. m., 6. r.), S. 3.

⁵⁸ «Eesti rahvaluule ülevaade, toim. R. Viidalepp», Tallinn, 1959.

⁵⁹ «Beiträge zu genauer Kenntniss der esthnischen Sprache», H. 6, Dorpt, 1813, S. 15—16.